

А. А. Буров

«Тайные друзья Бога»: некоторые заметки о международном и экуменическом аспектах деятельности братств в дореволюционной России

У Русского студенческого христианского движения (РСХД) был интересный дореволюционный период, когда, например, возникли контакты движения с С. Н. Булгаковым. Руководство РСХД активно старалось привлечь к сотрудничеству православных студентов, а также профессоров и священников, уделяя особое внимание тем из них, кто был наиболее популярен у студентов. Тех, кто готов был сотрудничать с движением, его глава барон Павел Николаи называл «тайные друзья Бога».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Русское студенческое христианское движение, христианство, русское религиозное возрождение, экуменизм, братства, тайные друзья Бога, Павел Николаи, Джон Мотт.

Предметом научных интересов автора являются социальные смыслы христианства в трудах и деятельности русских религиозных философов и участников русского религиозного возрождения начала XX в. В связи с этим привлекателен опыт Русского студенческого христианского движения (РСХД). Хотя вершины своего развития движение достигает в условиях пореволюционной эмиграции, но была еще и дореволюционная история, на некоторых ярких моментах которой я и хотел бы сосредоточить внимание в этой статье.

В названии РСХД нет слова «братство». Однако, как показал первый день работы нынешней конференции, не все, что называется братством, является таковым по существу. И наоборот, не все, что им не называется, не является им в действительности. Есть еще трудность в том, что у феномена братство нет удовлетворительного определения, возможно выделить лишь некоторые характерные признаки. Во-первых, *социальные* (курсив мой. — А. Б.): братства — это неправительственные, общественные, автономные

организации, хотя порой и инициированные государством. Во-вторых, *духовные* (курсив мой. — А. Б.): братства стремятся к устройению духовной жизни, так или иначе ориентированной на первохристианство. Все эти признаки имеются у РСХД. Есть вопрос насчет православности дореволюционного РСХД, но он, надеюсь, разъяснится к концу статьи.

Выражение «тайные друзья Бога» взято из письма Пауля Эрнеста Георга (или, для русских, Павла Николаевича) Николаи Джону Рэлею Мотту от 27 октября 1906 г.:

Социалисты посрамили нас, читая повсюду студентам целые циклы лекций на свои темы. Мы же должны, во-первых, добраться до *тайных друзей Бога* (*the secret friends of God*) (курсив мой. — А. Б.), которые думают, что они одиноки, и затем до ищущих душ [Берд, 170].

Письмо адресовано Джону Мотту — на момент написания национальному секретарю Христианской Ассоциации Молодых Людей — *Young Men's Christian Association* (YMCA) в США и генеральному секретарю основанной им же Всемирной Студенческой Христианской Федерации (ВСХФ) — *World Student Christian Federation*. Впоследствии, с 1915 по 1928, Мотт — генеральный секретарь Международного комитета YMCA, а с 1926 по 1937 — президент Всемирного комитета YMCA. Перефразируя известное поэтическое высказывание Владимира Маяковского можно сказать: «Мы говорим YMCA — подразумеваем Мотт, мы говорим Мотт — подразумеваем YMCA».

Джон Мотт, по воспоминаниям современников, был харизматической личностью. Он выдвинул идею евангелизации всего мира в течение жизни одного поколения и смог увлечь ею более 20 тыс. добровольцев. Тезисы его выступления на эту тему вышли отдельной брошюрой в Нью-Йорке в 1900 г. Она так и называется: «*The Evangelization of the World in this Generation*».

По его замыслу, нужно создать в каждой стране организации, которые будут заниматься продвижением этой идеи. Развернув работу на местах, они создадут национальные движения, которые затем вовлекутся в единое всемирное Братство «людей доброй воли» как осознавала себя YMCA. Россия в этих замыслах занимала особое место. Хотя бы потому, что поток эмигрантов из России в Америку все время возрастал.

Проводником влияния YMCA в России и лидером национальной организации был автор цитируемого выше письма — ба-

рон Павел Николаевич Николаи. Отпрыск аристократического рода немецкого происхождения, правнук президента Санкт-Петербургской академии наук, сын дипломата и племянник министра народного просвещения, Павел Николаевич принадлежал к лютеранской церкви. Но за ее формализм относился к ней очень критически. Это приводило к конфликтам [Гундерсен, 47]. Он пришел, как тогда говорили, к «живой вере» под воздействием проповеди известного британского миссионера для российской аристократии лорда Гренвилла Редстока. «Я восстановил мой союз с Иисусом Христом», — записал в своем дневнике Павел Николаи после встречи с Редстоком [Гундерсен, 26], знакомство с которым состоялось еще в 70-е гг. XIX в., когда Павел был старшекласником и студентом Санкт-Петербургского университета. Об этом пишет Эдмунд Хейер в своей книге «Религиозный раскол в среде российских аристократов в 1860–1900 гг. Редстокизм и пашковщина»:

И хотя друзья и недруги редстокизма были очень осторожны, не открывая имен придерживающихся нового учения, не секрет, что среди наиболее деятельных последователей Редстока были люди не из низших сословий, такие как госпожа Е. И. Черткова, барон М. М. Корф, княгиня Н. Ф. Ливен и ее сестра княгиня В. Ф. Гагарина, госпожа Пейкер (урожденная Лашкарева), гвардии полковник В. А. Пашков, графиня М. И. Игнатьева, граф А. П. Бобринский, барон П. Н. Николаи (курсив мой. — А. Б.), граф Щербинин и госпожа Ю. Д. Засецкая, дочь известного поэта времен наполеоновских войн Д. В. Давыдова — все они были представителями высшего света С.-Петербурга [Хейер, 63].

Николаи не утратил связи с последователями Редстока, так называемыми «пашковцами», и после высылки лорда из России. В доме одной из них, упомянутой княгини Н. Ф. Ливен, Николаи познакомился с членами YMCA.

Так кто же такие «тайные друзья Бога», о которых барон пишет Мотту?

Маленькая предыстория вопроса. В апреле 1899 г. Мотт и Николаи знакомятся на встрече молодежи YMCA в Гельсингфорсе (Финляндия) [Гундерсен, 34]. Мотт предлагает Николаи организовать Христианское студенческое движение в России. Барон соглашается. Выходит в отставку с поста чиновника канцелярии Государственного совета Российской империи [Гундерсен, 36] и всецело отдается христианскому служению.

18 ноября 1899 г. в Петербурге, в доме книготорговца Витта Гроде было принято решение организовать Русское студенческое христианское движение [Гундерсен, 36]. Первая студенческая ячейка, которую возглавил Николай, состояла всего из 4-х немецких студентов и одного поляка, все — лютеране. Это был по существу кружок для изучения Библии. Однако надежды на быстрый рост движения не оправдались. Желавших по вечерам читать Библию под руководством барона Николаи среди студентов-протестантов было мало. Назрела необходимость выйти за узкие конфессиональные рамки. В августе 1900 г. на всемирной конференции YMCA в Версале барон получает от руководства ассоциации указание привлечь к братству православных. В 1902 г. в РСХД появляются первые православные студенты [Гундерсен, 45].

Однако темпы роста движения по-прежнему не устраивают руководство YMCA. Встал насущный вопрос — найти «тайных друзей Бога», т. е. сторонников евангелизации, среди властителей дум русской (а значит, в начале XX в., почти всегда православной) студенческой молодежи. Особенно остро этот вопрос был сформулирован в условиях революционных событий 1905–1907 гг. Отмена уголовной ответственности за отпадение от православия согласно императорскому Указу об укреплении начал веротерпимости от 17 апреля 1905 г. облегчила деятельность движения и была расценена как утрата позиций «господствующей и первенствующей» церкви. Активизация общественной жизни после высочайшего манифеста от 17 октября того же года, последовавшие затем выборы в Государственную думу выявили целый ряд ярких ораторов, в том числе и среди христиан.

Николай прежде всего обратил внимание на Сергея Николаевича Булгакова, ставшего в дальнейшем главным связующим звеном между РСХД и православными деятелями русского религиозного возрождения. 25 декабря 1906 г. Николай писал Мотту:

Я должен сказать Вам об очень ценном Христианском движении, порожденном профессором Булгаковым в Киеве. Он был учеником Маркса и, кажется, обратился в Христианство и проповедует устно и письменно студентам, выдвигая (как они говорят) божественность Иисуса Христа и Его Воскресение на первый план. Он был резко отвергнут революционно настроенными студентами, но теперь приобрел сторонников среди других студентов. Возможно — это оригинальное Русское Христианское движение, которое может быть полезно для нас, а мы для него, итак мы посылаем Страупмана в Киев, чтобы связаться с профессором Булгаковым. Его движение называется Хри-

стианское братство борьбы. Мы все еще не достаточно знаем о нем, но Божьи сроки подходят, новый день настает, и воздушные пузыри поднимаются наружу со дна чайника, показывая, что он закипит в свое время [Берд, 180].

В цитируемом письме обращают на себя внимание два момента. Во-первых, весьма смутное представление Николаи о Христианском братстве борьбы. Скорее всего, он судит о нем по упоминанию в брошюре Булгакова «Неотложная задача»:

Нужно устроить сообщество, имеющее прямой задачей влиять в истинно христианском духе на общественную жизнь, основать *Союз христианской политики*. Ни для кого не тайна, что росток подобного сообщества уже таится в «подполье»¹, но нужно вывести его оттуда на вольный воздух, где бы он мог свободно развиваться [Булгаков. *Христианский социализм*, 48].

А также по упоминанию в статье Булгакова «Религия и политика»:

...Следует признать, что рано или поздно должна у нас возникнуть чисто христианская партия, совершенно чуждая клерикализма, обскурантизма и прочих признаков прошлого, но воодушевленная христианской верой, и во имя этой веры, и идеалами демократии и социализма (которые, конечно, в христианском их понимании не имеют ничего общего с атеистическим социал-демократизмом).

Первым зародышем подобной партии можно считать малоизвестное в широкой публике нелегальное «Христианское братство борьбы», и ту же в сущности задачу преследует и проектируемый мною «Союз христианской политики» [Булгаков. *Христианский социализм*, 66–67].

Во-вторых, выделяя Булгакова, Николаи ничего не говорит о деятелях религиозно-философских собраний и религиозно-философских обществ. По мнению Роберта Берда — публикатора переписки Николаи и Мотта — «Булгаков привлек Николаи своим ярким сочетанием общественной деятельности и духовного рвения» [Берд, 181].

1906 г. для Булгакова время, когда он только начинает утверждаться в своей вере в Церковь. В начале года Сергей Николаевич — профессор Киевского политехнического института

1. Комментарий В. Н. Акулинина: Редактор брошюры сделал в этом месте следующее примечание: «Автор имеет в виду “Христианское братство борьбы”» [Булгаков. *Христианский социализм*, 315].

по кафедре политической экономии, затем он переезжает в Москву и становится профессором Московского коммерческого института (до 1918 года).

Необходимо иметь в виду, что исполнение решения об обращении к православным далось Николаи нелегко. Ему буквально приходилось переступать через себя. Об этом красноречиво свидетельствуют строчки его письма к Мотту от 20 июля 1908 г.:

Наше затруднение не внешнее, но в состоянии умов русских студентов и отсутствии помощников. Китайцы и японцы представляют собой девственную почву без сорняков, русская же почва, хоть тоже девственна для евангелия, *покрыта джунглями ложных представлений и ошибочных учений* (курсив мой. — А. Б.). Все их фундаментальные представления о христианстве либо ошибочны, либо спутаны. К тому же они не протестанты, и то, что мы усвоили с детства, о личном Боге, ответственности перед Ним, Божественной норме, происходящей изнутри реформы, спасении не делами, а спасении Христом — все в новинку для них. Невозможно убедить их выбрать Христа прежде, чем объяснить основные принципы. Для большинства из них религия есть религиозное чувство — не более. Русским недостает сплоченности, предприимчивости, дисциплины, духа организованности. Это по большей части разговор, разговор, и ничего больше [Берд, 185].

Своим негативизмом Николаи заражает даже Мотта, который в своем отчете о поездке в Россию просто цитирует барона:

Здесь буквально многие тысячи студентов. Как класс, они, в сущности, не религиозны. Несмотря на то, что как русские подданные, они — номинальные члены Православной Церкви, они презируют Православное Христианство, потому что рассматривают Русскую церковь как инструмент угнетения и причину вопиющих социальных преступлений, о которых они хорошо знают. Эти студенты, таким образом, представляют собой не девственную почву, но землю, покрытую плевелами, *джунглями ложных представлений и опасных теорий* (курсив мой. — А. Б.). Не будет преувеличением сказать, что реальный Христос скрыт от них [Берд, 169].

Говоря о характерном для протестантов критическом отношении руководителей YMCA к православию, необходимо отметить, что на практике оно касалось, прежде всего, православных институций. РСХД не сотрудничало с церковными учреждениями и духовенством, за некоторым исключением для отдельных священнослужителей вплоть до революционных событий 1917 г.,

когда ситуация радикально изменилась. Но при этом движение стремилось вовлечь в свою деятельность православных людей лично.

Так, Николай долго пытался установить прямой контакт с Булгаковым, которому он собирался заказать статью о русском студенчестве для проектируемого журнала РСХД:

Я надеялся установить связь с христианским преподавателем, живущим в Москве, человеком, которого я еще не знаю лично — и пытаюсь понудить его или другого нового человека писать о том предмете (российских студентах) [Берд, 183].

Наконец в феврале 1908 г. эти попытки увенчались успехом. Булгаков принял предложение прочитать лекцию на вечере, устроенном петербургским кружком Русского студенческого христианского движения. В связи с этим Николай пишет Мотту 13 февраля 1908 г.:

Вы услышите от мисс Роуз о ее работе в России и возможности распространения. Она, может быть, упомянет профессора Булгакова, — бывшего лидера Социалистической партии, профессора политической экономии и крайнего атеиста, как он очень постепенно приблизился к Христианству, и, как часто случается, переходит к другой крайности — клерикализму. Ему около 40, очень способный, и широко известный в студенческом мире безупречным характером, член Второй Думы, и одаренный оратор. Мы с большой радостью узнали, что он согласился прибыть сюда и прочитать лекцию под нашим покровительством в день молитвы. Бог сгладил все препятствия, и прошлым Воскресеньем встреча прошла с успехом в полностью заполненном зале — 500 студентов и студенток... У меня есть надежда на привлечение на свою сторону еще нескольких профессоров, склонных к христианскому пути [Берд, 183].

Успешная лекция затем была повторена Булгаковым в московском кружке².

При этом Николай очень смущал переход Булгакова от крайнего атеизма к крайнему клерикализму. Его также беспокоили друзья-«клерикалисты», как он их называл, Булгакова — М. А. Новоселов, В. А. Кожевников и П. А. Флоренский. Особенно Новоси-

2. Имеется в виду лекция Булгакова «Религия человекобожия в русской революции», опубликованная в книге «Два града». Она была прочитана

27 января 1908 г. в Санкт-Петербурге, в Соляном городке, и 12 марта 1908 г. в Москве [Булгаков. Два града, 248–268].

лов, которого Николаи именует в письме Мотту “*a biggoted churchman*” («фанатичным церковником») [Берд, 185].

Однако не все в УМСА разделяли настороженное отношение Николаи к православным и к кружку Новоселова в частности. Так, письма Винифред Седжвик, руководительницы работы РСХД среди студенток, раскрывают тесную связь между кружками РСХД и Кружком ищущих христианского просвещения Новоселова:

Господина Новоселова я видела первый раз вчера вечером. Он проводил еженедельную встречу по изучению Соловьева — он отвечал на вопросы, присланные в течение недели. Читал огромное извлечение из Соловьева вчера вечером для аудитории примерно из 15-ти девушек — и я чуть не умерла, потому что с 3:30 до 6 был наш внутренний библейский кружок, а затем встреча по изучению Соловьева с 8:30 до 10, в конце было совсем мало сил! Однако девушки были очень заинтересованы, и это было хорошее начало [Берд, 186–187].

Думаю, членов «новоселовского» кружка с определенными оговорками можно отнести к «тайным друзьям Бога». По отношению к каждому из них будет справедливо повторить слова Винифред Седжвик, сказанные в адрес Булгакова в письме Рут Роуз от 6 марта 1908 г.: «Он — очень православный... но — я уверена в том, что у него есть настоящая духовная жизнь» [Берд, 187].

Во многом под влиянием «тайных друзей Бога» РСХД из протестантской стала интерконфессиональной, экуменической организацией. Это помогло движению получить официальную регистрацию в 1913 г. и стать членом-организацией ВСХФ.

Начало Первой мировой войны летом 1914 г. положило конец конструктивному диалогу между РСХД и кружком М. А. Новоселова, но не членству православных в движении. В письме к Мотту от 2 февраля 1915 г. Николаи отмечает «узкую национальную тенденцию» [Берд, 194], возобладавшую у ищущих христианского просвещения. Из православных друзей лишь о. Иоанн Егоров из Санкт-Петербурга сохранил тесные отношения с РСХД. Работы Булгакова того времени выражают сильные анти-протестантские и анти-немецкие настроения (см. например, «Свет Невечерний»):

В частности, давно уже назревало и то столкновение германства с православно-русским миром, которое внешне проявилось ныне, не теперь только началась война духовная. С германского запада к нам давно тянет суховей, принося иссушающий песок, затягивая пепельной пеленою русскую душу, повреждая ее нормальный рост. Эта тяга, став ощутительной с тех пор, как

Петр прорубил свое окно в Германию, к началу этого века сделалась угрожающей. И, конечно, существеннее было здесь не внешнее «засилие» Германии, но духовное ее влияние, для которого определяющим стало своеобразное преломление христианства через призму германского духа. Это — арианское монофизитство, все утончающееся и принимающее разные формы: «имманентизма» и «монизма» — от протестанства до социалистического человекобожия. И для сознательного противления нужно прежде всего познать и понять угрожающую стихию, столь многоликую и творчески могучую. Лютер, Бауэр, А. Ричль, Гарнак, Эккегарт, Я. Беме, Р. Штайнер; Кант с эпигонами, Фихте, Гегель, Гартман; Геккель, Фейербах, К. Маркс, Чемберлен — все эти столь далеко расходящиеся между собою струи германства в «имманентизме», однако, имеют общую религиозную основу. Столь слабо ощущается в нем расстояние между Творцом и творением, что он роковым образом приближается к миро- и человекобожию разных оттенков и проявлений. Но все это в то же время есть не что иное, как многоликое хлыстовство западного (курсив мой. — А. Б.) типа, религиозно-соотносительное, а до известной степени и эквивалентное в тоносе своем нашему русскому хлыстовству [Булгаков. *Свет невечерний*, 5].

В философском диалоге Булгакова 1918 г. «На пиру богов» один из героев, Дипломат выражает критический взгляд на американских миссионеров, которые занимаются просветительской деятельностью в России, словно «в стране речи язычников» (*in patribus infidelium*):

Русский народ вдруг оказался нехристианским, недаром теперь хлопочет о его просвещении американская миссия, совсем как *in patribus infidelium*³ [Булгаков. *На пиру богов*, 90].

Дореволюционная часть истории РСХД выявляет сложные отношения между движением и православной церковью в России, но как раз этот период подготовил почву для более плодотворной встречи в условиях эмиграции. Союз между русскими религиозными мыслителями и УМСА требовал смирения с обеих сторон. Первые подверглись нападкам православных фундаменталистов. УМСА, со своей стороны, вынуждена была скорректировать свой интерконфессиональный подход для того, чтобы сохранить связь с русским православием.

3. Согласно примечанию В. В. Сапова [Булгаков. *На пиру богов*, 96]: в стране неверных, т. е. в чужих краях (лат.). Здесь: в заокеанской колонии.

Литература

1. Берд = Берд Р. УМСА и судьбы русской религиозной мысли : 1906–1947 // Исследования по истории русской мысли : Ежегодник за 2000 год / Под ред. М. А. Колерова. М. : ОГИ, 2000. С. 165–197.
2. Булгаков. Два града = Булгаков Сергей, прот. Два града : Исследования о природе общественных идеалов. СПб. : РХГИ, 1997. 589 с.
3. Булгаков. На пиру богов = Булгаков Сергей, прот. На пиру богов // Наше наследие. 1991. № 1 (19). С. 77–97.
4. Булгаков. Свет невечерний = Булгаков Сергей, прот. Свет невечерний : Созерцания и умозрения. М. : Республика, 1994. 415 с.
5. Булгаков. Христианский социализм = Булгаков Сергей, прот. Христианский социализм. Новосибирск : Наука, 1991. 350 с.
6. Гундерсен = Гундерсен П. Павел Николаи из Монрепо : Европейец, не такой как все. М. : ББИ, 2005. 116 с.
7. Хейер = Хейер Э. Религиозный раскол в среде российских аристократов в 1860–1900 годы : Редстокизм и пашковщина. М. : ИКАР, 2002. 188 с.
8. Mott = Mott J. R. The Evangelization of the World in this Generation. New York : Student volunteer movement for foreign missions, 1900. 245 p.

А. А. Burov

“The Secret Friends of God”: Some Notes on the International and Ecumenical Aspects of the Activity of Brotherhoods in Pre-Revolutionary Russia

The history of the Russian Student Christian movement (RSCM), a large non-governmental Christian organization in the emigration after the revolution, is well-known. There was still an interesting pre-revolutionary period when, for example, the movement contacted with S. N. Bulgakov. RSCM leaders strived to involve into cooperation Orthodox students, professors and priests. The heads of the movement paid special attention to those professors who had the most authority with students. Those who were ready to cooperate with RSCM, were called by its leader Baron Paul Nikolay as “secret friends of God”.

KEYWORDS: Russian Student Christian Movement, Christianity, Russian religious revival, ecumenism, brotherhoods, the Secret Friends of God, Paul Nikolay, John Mott.